

Раздел 3

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ XX в.

Е. Б. Заболотный

Размышления о роли П. А. Столыпина и его реформ в истории России

Начало XXI в. в России проходило под знаком П. А. Столыпина. В 2001 г. исполнилось 90 лет со дня его убийства. В 2002 г. Россия широко отметила 140 лет со дня рождения великого российского реформатора. Между тем вопрос о роли П. А. Столыпина и его реформ в истории России до сих пор является дискуссионным. И в настоящее время наряду с почитателями П. А. Столыпина имеется немало его противников.

Такая ситуация в общественном мнении и исторической науке России складывалась на протяжении многих десятилетий. Ее можно объяснить тем, что фигура Столыпина, как и всякого другого крупного государственного деятеля, сложна и противоречива. С одной стороны, его имя прочно связано с репрессиями периода первой русской революции. С другой стороны, он относится к плеяде великих русских реформаторов, чьи дела до сих пор вызывают острые дискуссии.

Споры о реформах П. А. Столыпина начались еще при его жизни. Представители различных общественных течений России начала XX в. по-разному реагировали на проводимые им реформы. На их оценки влияли политические симпатии и антипатии.

Аграрная политика Столыпина нашла поддержку у различных политических сил. Праволиберальные и умеренно консервативные политики, голосами которых в Государственной думе прошли столыпинские аграрные законы, поддержали его шаги по разруше-

нию общины, называли общину «искусственным» образованием, созданным государством для защиты своих интересов в деревне. В работах А. А. Кофода, В. В. Марчевского, Б. Юрьевского и других преувеличивались успехи столыпинского землеустройства, подчеркивалось значение правительственной агрономической помощи крестьянам и т. д. Е. Трубецкой, В. Оболенский, Я. Я. Полферов считали столыпинскую аграрную реформу единственно возможным в условиях России путем решения аграрного вопроса.

Меньшевистские авторы – Ю. Ларин, А. Е. Лосицкий, П. Маслов, Г. В. Плеханов, Н. А. Рожков, И. В. Чернышев и другие – доказывали, что община несовместима с условиями рыночного хозяйства.

В то же время реформы П. А. Столыпина вызвали критику и «справа» и «слева». И консерваторов, и социалистов объединяло поклонение сельской общине, которая считалась олицетворением идеи «русской самобытности». Представителей консервативного лагеря в разрушении общины больше волновало то, что государство лишится важного органа, выполнявшего фискально-полицейские функции. А. Д. Билимович, В. И. Гурко и другие авторы требовали поддержки не только крестьянского, но и помещичьего хозяйства и предостерегали против «хуторомании». Поэтому вплоть до начала XX в. правительство проводило политику всемерного укрепления общины, препятствуя выходу из нее отдельных домохозяев.

В работах либеральных авторов – А. А. Кауфмана, М. М. Ковалевского, С. Н. Прокоповича, А. И. Чупрова и других – аграрная политика Столыпина критиковалась за административно-полицейские методы насилия над крестьянством. Они отрицали неизбежность ломки общины в условиях нового буржуазного строя.

Авторы народнического толка – Н. Я. Быховский, П. Вениаминов, К. Р. Кочаровский, Н. П. Огановский, А. В. Пешехонов – критиковали политику Столыпина в аграрном вопросе, потому что идеализировали крестьянскую общину, считали, что она «есть только земельный союз», подчеркивали, что в начале XX в. община переживала расцвет. В связи со своей концепцией общины народники очень возмущались тем, что указ от 9 ноября 1906 г. снял

ограничения по единоличному выкупу крестьянами наделных земель и выходу на хутора и отруба. В их работах содержалось большое количество обличительного материала об антинародном характере реформы и массовом разорении ею крестьянства.

Политики большевистской направленности также защищали общину, которую В. И. Ленин характеризовал как «демократическую организацию местного управления» и как «аппарат воздействия на помещичьи усадьбы». В то же время Ленин выступал против апологии столыпинской аграрной реформы, доказывая, что она не поколебала основ полукрепостнического строя в деревне.

Научное изучение столыпинских реформ началось только в советское время. В советской историографии мнение о П. А. Столыпине и его реформах было однозначно отрицательным.

Сама фигура Столыпина рисовалась лишь черными красками как фигура политического противника большевиков, как «вешателя», человека, подавившего в крови первую русскую революцию и установившего после революции режим реакции. По словам К. Ф. Шацилло, «в борьбе с революцией Столыпин был сторонником политики репрессий под лозунгом “сначала успокоение, а потом реформы”»¹. Историки характеризовали Столыпина как государственного деятеля, который «в период реакции 1907–1911 гг. определял правительственный курс»².

А. Я. Аврех считал, что П. А. Столыпин был человеком своего времени и его деятельность совпала с периодом террора и репрессий. По его оценке, «с июля 1904 по июль 1909 г. пострадавших от всяческих репрессий, начиная от простого обыска и кончая намышленной веревкой, было не менее 1,5 млн человек. Вместе с семьями эта цифра увеличивается до нескольких миллионов»³.

Объединяло советских историков то, что они реформы Столыпина, прежде всего аграрные, оценивали как спонтанный ответ на угрозу революции, шаг, предпринятый с целью сохранить политическое господство помещиков. В работах А. Я. Авреха была проанализирована деятельность П. А. Столыпина после окончания первой русской революции. Он признавал, что «третьиюньская система и представляла собой союз царизма и помещиков с крупной буржуазией, оформленный в виде третьиюньской Думы, для проведения известного минимума буржуазных реформ». Но при

этом автор сделал вывод, что «из Столыпина не получился Бисмарк, и третьиюньская система потерпела крах»⁴.

О столыпинской аграрной реформе писали А. Я. Аврех, С. И. Антонова, Д. А. Батурицкий, Е. Г. Василевский, П. Г. Галузо, А. М. Гребнев, С. М. Дубровский, М. Егоров, П. Н. Ефремов, Н. Карпов, И. Д. Ковальченко, Ю. Ларин, Н. И. Литвинов, П. И. Лященко, Н. А. Мальцева, П. Н. Першин, Ю. Л. Райский, М. С. Симонова, Л. Ф. Скляр, К. Н. Тарновский, С. П. Трапезников, В. Г. Тюкавкин, А. И. Тюменев, К. Ф. Шацилло, А. В. Шестаков, И. Д. Шулейкин и др. Все советские историки подчеркивали, что реформа потерпела неудачу. А. Я. Аврех оценивал ее как «банкротство» и «провал»⁵.

В то же время среди них, как и в дореволюционной историографии, не было единства в оценке характера проводимой реформы.

Часть историков рассматривала столыпинскую аграрную реформу как окончательную победу капиталистических отношений в хозяйстве дореволюционной России и преувеличивала ее буржуазную сущность. Для них было характерно завышение уровня «капитализации» крестьянского хозяйства и его разложения в результате реформы. Они подчеркивали сильное влияние реформы на дифференциацию в среде крестьянства, что привело к обострению второй социальной войны в деревне. По словам авторов «Советского энциклопедического словаря», она имела целью «ликвидацию малоземелья при сохранении помещичьего землевладения, ускорение расслоения деревни, создание в лице кулачества дополнительной социальной опоры самодержавия»⁶.

Другие историки полагали, что реформа в российской деревне не удалась потому, что она не ликвидировала пережитков крепостничества: общину, помещичье хозяйство и др. Они критиковали крестьянскую общину, рассматривали ее как «анахронизм» и «пережиток» феодализма. По словам М. С. Симоновой, «провал столыпинской аграрной политики свидетельствовал о безуспешности реакционных структурных реформ в революционную эпоху. Столыпинская аграрная реформа не смогла ликвидировать объективные предпосылки буржуазно-демократической революции в России и революционности крестьянства как класса – союзника пролетариата в борьбе против самодержавия и крепостников-по-

мещиков»⁷. В работах Г. А. Герасименко обращалось внимание на использование силы правительством во время проведения реформ, внимательно исследовались формы крестьянского сопротивления реформам. Автор показывал не только рост крестьянского движения в ответ на реформы, но и анализировал крестьянские жалобы как важнейший источник, раскрывающий реакцию крестьян на содержание реформ⁸.

Противоречивые оценки деятельности П. А. Столыпина и его реформ высказывались и в годы «перестройки». Заслугой авторов этого времени было то, что они стали писать о самом П. А. Столыпине и оценивать его роль в истории России⁹. Характеризуя реформаторскую деятельность П. А. Столыпина, они писали не только о его аграрной реформе, но и о других его реформаторских начинаниях.

Публицисты, а затем и некоторые историки попытались взглянуть на Столыпина апологетически, не как на «вешателя», человека, подавившего первую русскую революцию, но как на крупнейшего русского реформатора XX в. Н. Я. Эйдельман писал о реформах Столыпина, который требовал 20 лет для преобразования России: «То была серьезная последняя альтернатива старого мира, попытка избавиться от взрыва снизу путем “революции сверху” и создания новой массовой опоры режиму». По его мнению, столыпинский путь был жесток, но это был путь буржуазного прогресса, с сохранением помещиков и самодержавия, с Государственной думой¹⁰.

По словам С. Рыбаса и Л. Таракановой, в результате реформ Столыпина к 1914 г. Россия «достигла наивысшей точки процветания, огромное большинство народа имело меньше всего оснований для недовольства, найдя, наконец, путь объединения образованных людей и реального дела»¹¹.

Некоторые авторы подчеркивали, что по мере проявления самостоятельности и независимости П. А. Столыпина как государственного деятеля отношение Николая II к нему становилось все более прохладным¹².

В отечественной историографии того времени было немало исследователей, которые выступили с критикой апологетической литературы.

Интересное мнение по этому вопросу высказал французский историк М. Ферро. Наблюдая за происходившим в СССР процессом переосмысления истории в годы «перестройки», он писал: «В отношении не слишком далекого прошлого, как, например, эпоха Николая II, поражает способность, с какой некоторые писатели и полемисты умеют изобразить в розовом цвете то, что было черным, даже если в настоящее время трудности жизни побуждают переоценивать прошлое и подвергать пересмотру все, что произошло после Октября 1917 г. В действительности не стоит забывать, что еще до большевистского восстания царизм был сокрушен Февральской революцией, что это было единодушным порывом всего русского народа и что во время Февральской революции царя покинули все, не только рабочие, солдаты и политические деятели различных направлений, но даже его близкие, великие князья во главе с Кириллом. Царя называли в то время Николай “Кровавый”, и даже “Союз русского народа” осуждал его действия так же, как и Столыпин, крупнейшего реформатора до 1917 г. – не считая Витте, – который в то же время был наиболее ярким из всех министров сторонником репрессий: вспомните “стольпинский галстук ”»¹³.

В последнее десятилетие XX в. начался наиболее основательный анализ социально-экономической и политической программы П. А. Столыпина.

О личности и государственной деятельности П. А. Столыпина в современной историографии сложилась огромная литература. О нем пишут А. М. Анфимов, А. Глаголев, И. Дьяков, П. Н. Зырянов, В. В. Казарезов, В. Кривенький, А. П. Корелин, В. Криворотов, И. В. Островский, О. Платонов, С. Рыбас, С. Степанов, Л. Тараканова и другие авторы¹⁴.

Личность П. А. Столыпина в современной историографии оценивается по-разному исследователями, которые придерживаются и различной интерпретации исторических фактов. В историко-материалистической литературе при характеристике личности Столыпина превалирует та сторона его деятельности, которая связана с подавлением первой русской революции.

По подсчетам П. Н. Зырянова, если в 1906 г. было казнено 144 человека, то в 1907 г. – уже 1 139, в 1908 – 825, в 1909 – 717, итого в среднем ежемесячно 58–59 казней¹⁵.

Интересную версию причин карательной политики Столыпина выдвинули Е. Г. Плимак и И. К. Пантин. Они пишут: «В карательной политике П. А. Столыпина, полагаем, был и сильный мотив личной мести. 12 августа 1906 г. три эсера-максималиста взорвали дачу Столыпина. Всего было убито 27 человек (в том числе и сами террористы), легко ранен трехлетний сын Столыпина и тяжело – пятнадцатилетняя дочь Наташа, которой раздробило ноги. 19 августа 1906 г. Столыпин принял в чрезвычайном порядке по ст. 87 “основных законов” указ о военно-полевых судах, которые уничтожали “преступников” безо всякого судопроизводства в пределах 48 часов; приговор по распоряжению командующего округом исполнялся в 24 часа»¹⁶.

Современные идейные противники Столыпина по-прежнему полагают, что он проводил не реформы, а пытался восстановить прежние порядки и что его политика сводилась лишь к немедленному реагированию на различные кризисы, перед которыми оказывался царский режим.

Либеральные историки пишут прежде всего о реформаторской стороне деятельности Столыпина, относя его к величайшим государственным деятелям XX в. Высказывается мнение, что «выдающийся государственный деятель П. А. Столыпин тоже ошибался в оценках резко менявшейся обстановки той поры. Но он был последователен в своих действиях, считая наиболее благоприятным для России путь аграрных преобразований с правом полной собственности крестьян на землю»¹⁷.

П. Н. Зырянов полагает, что в личности П. А. Столыпина сочеталось и то и другое. Он пишет: «Подлинного Столыпина мы до сих пор не знаем. Имя его оказалось прочно связанным с одной из немногих реализованных реформ, автором которой, строго говоря, он не был, хотя она входила в систему задуманных им преобразований». С другой стороны, отмечает автор, «имя Столыпина прочно связано с репрессиями, которыми были отмечены окончание первой русской революции и начало последующего периода, из учебных программ известного нам как годы “столыпинской реакции”. К сожалению, в проведении политики репрессий он видел свой долг, свой крест, неременное условие для осуществления программы реформирования. Они сильно отягощали

его совесть, но он, зажав свою человечность, проводил их жестко и непреклонно, слишком поздно заметив, что пора, пожалуй, остановиться»¹⁸.

В современной литературе обсуждается вопрос о широте реформаторской деятельности П. А. Столыпина. Некоторые исследователи полагают, что у него была целая программа обновления России, рассчитанная на несколько десятилетий.

А. А. Искандеров считает, что реформы Столыпина «должны были предотвратить революционный путь развития России и вернуть ее на рельсы цивилизованных эволюционных перемен, необходимость которых мало у кого вызывала сомнение». Он пишет: «Приступая к осуществлению своих реформ, он, конечно же, отдавал себе отчет в том, что у Российской империи это был, по существу, последний шанс сохранить свою государственность и выйти на качественно новый виток развития, способный обезопасить ее от всякого рода случайностей. Он прекрасно понимал также, что провал реформ может оказаться гибельным для России, не говоря уже о его собственной судьбе. Риск был слишком велик, но он не дрогнул, и смело пошел на него»¹⁹.

А. Н. Боханов признает, что «с позиций исторического знания очевидно, что шанс на спасение российской монархии давало осуществление реформ экономических и социальных институтов, предложенных председателем Совета министров П. А. Столыпиным»²⁰.

Американский историк Д. Мэйси считает, что «стольпинские аграрные реформы должны пониматься на самом деле как часть более обширной социальной, политической и экономической программы, нацеленной на коренное преобразование существующей системы при сохранении политической преемственности»²¹.

В работах современных исследователей можно найти достаточно противоречивые мнения о содержании программы обновления России, предложенной П. А. Столыпиным. Большинство исследователей сводит эту программу к «аграрной» или «аграрным» реформам.

Французский историк Н. Верт пишет: «Согласно концепции Столыпина, модернизация страны требовала трех условий: первое – сделать крестьян полновластными собственниками, чтобы

наиболее “крепкие и сильные”, освободившись от опеки общины, могли обойти “убогих и пьяных”; второе – осуществить всеобщее обучение грамоте в обязательной для всех четырехлетней начальной школе. Еще будучи предводителем дворянства в Ковно, Столыпин писал по этому поводу, что только грамотность поможет распространению сельскохозяйственных знаний, без которых не может появиться класс настоящих фермеров; и, наконец, третье – необходимо было добиться усиленного роста промышленности, подкрепленного развитием внутреннего рынка»²².

Некоторые современные историки полагают, что кроме экономических и социальных реформ у Столыпина имелся план государственных преобразований. Определенное место они отводят анализу земской реформы, предложенной П. А. Столыпиным в 1911 г. Н. Верт считает, что реформу по учреждению земства в западных районах России Столыпин задумал, «дабы укрепить в них положение белорусского и русского населения, составлявшего большинство», которое зависело от польской шляхты. Автор пишет, что этим Столыпин совершил ошибку, в результате которой лишился поддержки октябристов²³.

Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин также полагают, что «Столыпин – искусный политик – хотел совместить несовместимое: представительство и самодержавие. Многие его проекты государственных преобразований, связанных с завершением реформ 1860-х гг., как, например, с введением земств в Западном крае, потерпели неудачу»²⁴.

Историки обсуждают проблему сторонников и противников реформаторских планов Столыпина, его социальной опоры.

Высказываются различные мнения о поддержке реформ Столыпина со стороны Николая II.

А. П. Бородин считает, что «за спиной Столыпина стоял царь, в позиции которого произошла существенная перемена. Если весной 1905 г. “закон о свободном выходе из общины в целях насаждения личной собственности крестьян на наделную землю” представлялся ему “преждевременным”, то в июле 1906 г. Д. Ф. Трепов и В. Б. Фредерикс, по свидетельству А. А. Половцова, утверждали, что “государь вполне разделяет” мысли о необходимости “немедленно взяться за крестьянский поземельный вопрос”». Эта

перемена во взглядах Николая II, считает автор, «произошла, по-видимому, в конце 1905 – начале 1906 г., что и обусловило выбор им Столыпина: с назначения его министром внутренних дел началась реализация аграрной реформы»²⁵.

По мнению А. Н. Боханова, «курс перемен, предложенный “сильным премьером” с полного одобрения Николая II», был сорван теми, на спасение которых он был рассчитан – остатками «спесивого российского барства, не принимавшего никаких изменений и никоим образом не желавшего поступиться ни толикой своих, часто призрачных, привилегий и благополучия»²⁶.

В противовес этому мнению, Н. Верт считает, что Столыпин «потерял поддержку Николая II, которому явно претило иметь столь предприимчивого министра, обвиненного крайне правыми противниками, пользующимися влиянием при дворе, в желании “экспроприировать всех помещиков” с помощью аграрной реформы»²⁷.

А. П. Бородин утверждает, что традиционное мнение о поддержке реформ Столыпина объединенным дворянством не соответствует действительности. По его словам, «не кадеты были причиной дворянских протестов против “принудительного отчуждения” помещичьих земель. Пугало дворян правительство, взявшее курс на создание класса крестьян-собственников как новой опоры самодержавия»²⁸.

Д. Мэйси вообще полагает, что у Столыпина «никаких шансов на реализацию этих проектов не было». Он пишет: «Хотя Столыпин временно имел успех в работе с Думой, основа его поддержки там тоже была разрушена, что вынудило правительство выбирать между конфликтующими сторонами. При сохранявшемся сильном влиянии двора и консервативных землевладельцев в политической системе выбор правительства был предрешен»²⁹.

Оригинальный взгляд на возможность реализации столыпинской программы преобразований предложил А. И. Солженицын в своем художественно-публицистическом произведении «Красное колесо». Автор пишет об обреченности реформатора, который оказался один против всего общества.

В оценке аграрной реформы Столыпина авторы второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. также не были едины.

Часть авторов стала идеализировать столыпинскую аграрную реформу, видя в ней реальную возможность насадить в России фермерское хозяйство. Историки и публицисты, оперируя цифрами о росте хуторов и отрубов в России, говорили об этом явлении как об устойчивой тенденции и сетовали лишь на то, что для завершения реформы не хватило времени.

Публицисты продолжали критиковать крестьянскую общину, но уже по другой причине, чем советские историки, ассоциируя ее с колхозно-совхозным строем. Экономист В. Селюнин писал: «История учит – посредством общины никогда не удавалось обеспечить рвение к труду и экономические успехи; равенство, социальная справедливость общинного типа неизменно оборачивались подавлением личности»³⁰. Это проистекало потому, что большинство публицистов того времени вслед за Р. Петровым под общиной подразумевали группу крестьян, «объединенных совместной обработкой земельных наделов»³¹.

С. Рыбас и Л. Тараканова писали, что крестьянская община «была одновременно силой и тормозом России». «Великая русская народная крепость, которая спасала страну от всех завоевателей, которая непоколебимо держала крестьянский мир как самоуправляющуюся и самообеспечивающуюся систему и которая регулярными уравнительными земельными переделами, следя за справедливостью, не позволяла никакому отдельному хозяину возвыситься над остальными»³².

С критикой этих взглядов выступили П. В. Волобуев, В. П. Данилов, В. С. Дякин, П. Н. Зырянов, И. Д. Ковальченко и др.³³ П. В. Волобуев, В. П. Данилов, И. Д. Ковальченко продолжали писать о крахе столыпинской аграрной реформы³⁴. В. С. Дякин указывал, что и точка зрения советской историографии, и идеализация реформы являются односторонними подходами³⁵. По словам П. Н. Зырянова, «нет прямой преемственности между поземельной общиной и колхозами. Общинное землевладение основывалось на сочетании коллективного владения землей и индивидуального ведения хозяйства каждым двором. Отход от этого принципа в ту или другую сторону разрушающе действовал на поземельную общину, и она сопротивлялась всяким таким шагам. Сопротивление крестьян столыпинской аграрной реформе хорошо известно»³⁶.

В работах А. М. Анфимова, А. М. Анциферова, Н. А. Бобковой, Л. Зайцевой, В. В. Казарезова, В. А. Кислицына, И. Д. Ковальченко, А. П. Корелина, А. А. Стороженко, К. Ф. Шацилло и других современных авторов анализируются аграрные реформы П. А. Столыпина и их влияние на положение российского крестьянства³⁷. В этих работах наряду с анализом предпосылок, механизма проведения и итогов аграрной реформы ставятся новые вопросы, не характерные при ее изучении в предшествующий период.

Многие современные авторы расценивают ее как кульминацию и доведение до конца освобождения крестьян, фактически – как второе их освобождение. Они пишут: «Столыпинская аграрная реформа явилась прямым продолжением реформы 1861 г., предоставившей российскому крестьянству личную свободу, но не подкрепившей ее экономической свободой, не превратившей крестьян в частных земельных собственников»³⁸.

С этим мнением не согласен американский историк Д. Мэйси, который полагает, что подобное «толкование в некотором отношении было ошибочным, ибо подразумевало преемственность двух этапов пореформенного законодательства, которой на самом деле не существовало»³⁹.

Некоторые авторы, характеризуя аграрную реформу начала XX в., предпочитают писать не о «столыпинской реформе», а об «аграрной реформе Витте – Столыпина». В. П. Данилов даже считает, что сама аграрная реформа была предложена Б. Х. Бунге⁴⁰. И. В. Поткина пишет, что Витте «в представленной записке выступил сторонником ликвидации крестьянской сословной обособленности в области права, управления и землепользования. Высказывался за свободный выход из общины, за ограничения на распоряжение наделными землями. Положения программы Витте были впоследствии использованы П. А. Столыпиным»⁴¹. По словам А. А. Искандерова, «столыпинские реформы вобрали в себя многое из того, что достаточно отчетливо проступало еще в программе Витте»⁴².

Е. Г. Плимак и И. К. Пантин вслед за некоторыми советскими историками считают, что идея доведения до конца «полного освобождения крестьян» была предложена Витте, и только «из-за царского упрямства и были потеряны те годы, которых не хватило

Столыпину для проведения реформы, царь украл у реформаторов бесценное время...»⁴³.

По-прежнему привлекает внимание историков судьба крестьянской общины в ходе столыпинских реформ. Об этом пишут В. П. Данилов, Л. В. Данилова, П. Н. Зырянов, В. В. Кабанов, Ю. Лебедев, Д. И. Локшин и др.⁴⁴

П. Н. Зырянов считает, что русская община имела более сложную структуру, чем считали дореволюционные и советские историки и что община, в том числе и традиционная, сохраняла свою жизнеспособность даже в XX в., ибо она была способна к переменам⁴⁵.

По мнению Л. В. Даниловой и В. П. Данилова, в основе менталитета крестьянства на доиндустриальных стадиях исторического развития лежит общинный архетип с присущими ему формами сознания. При этом они считают, что общинный архетип оставался сердцевинной ментальности российского крестьянина на протяжении всей истории его существования, наиболее ярко проявившись в период российской революции, когда крестьянство боролось за реализацию общинных идеалов уравнительной справедливости⁴⁶.

В. В. Кабанов считает, что кроме столыпинской аграрной реформы были и другие факторы, которые в начале XX в. разрушающе действовали на крестьянскую общину. Он пишет, что «если столыпинская реформа разрушала общину, так сказать, прямо, непосредственно, с помощью преимущественно административных мер, то кооперация разрушала натуральную замкнутость крестьянской семьи и общины в целом, исподволь, экономически, без всякого ущерба для крестьянина»⁴⁷.

Этой проблемой интересуются и западные исследователи. Т. Шанин разработал оригинальную концепцию русской общины, которая основана на ее сопоставлении с другими сельскими организациями, существовавшими по всему миру. Он считает деревенскую общину основной и высшей по сравнению с крестьянским хозяйством формой социальной организации крестьянства.

В отличие от российской историографической традиции, которая преувеличивала особенности русской общины, английский исследователь считает, что эти особенности были преувеличены и в действительности «их можно наблюдать по всему миру». Автор

анализирует многочисленные социальные функции общины, которая, по его словам, является формой крестьянской автономии и самодостаточности, и приходит к выводу об их своеобразном дуализме. Община одновременно обслуживала нужды крестьян и государства. Лишь с конца XIX в. русская община стала обнаруживать еще одну, ранее скрытую функцию, которая выражалась в «организации крестьянской самообороны и неповиновения». Т. Шанин пишет: «Во время революции 1905–1907 гг. со всем драматизмом обнаружились возможности общины как ячейки классовой организации, генератора уравнилельной идеологии и школы коллективных действий такого рода, что они могли мгновенно перерасти в хорошо организованное восстание»⁴⁸.

В современной историографии можно найти различные мнения об экономических и социально-политических последствиях столыпинской аграрной реформы.

Большая часть современных авторов, оперируя количественными показателями о росте урожайности полей, вывозе российского хлеба, масла и сыра за рубеж и т. д., доказывает положительное влияние реформы на российскую деревню. В литературе можно найти данные о том, что «урожайность с 1906 по 1915 г. выросла на 14 %, в отдельных регионах – на 20–25 %. В 1909–1913 гг. общий объем производства главных зерновых культур превышал на 28 % продукцию Аргентины, Канады и США вместе взятых... В 1912 г. российский экспорт зерна достиг 15,5 млн т. В начале 1916 г., в военное время, в России, по словам министра земледелия А. Н. Наумова, имелось до 900 млн пуд. избытка главнейших хлебов, что составляло не менее 1/3 годовой потребности»⁴⁹.

А. А. Искандеров пишет о двух важнейших результатах аграрной реформы: активном выходе крестьян из общины и росте сельскохозяйственного производства⁵⁰.

Д. Мэйси к этим факторам добавляет также рост числа крестьян, которые просили помощи у правительства. Он пишет: «К началу 1916 г., когда реформы были приостановлены в результате войны, около половины крестьянских семей искало той или иной помощи у правительства в реорганизации своих хозяйств. Это свидетельствовало не только о том, что правительство начало завоевы-

вать доверие крестьян, но также о том, что новые формы организации сельского хозяйства постепенно складывались и встраивались в существующие порядки на селе, становясь, таким образом, естественной составной частью деревенской жизни. Конфликты и беспорядки, сопровождавшие эти изменения, были, вероятно, нежелательны»⁵¹.

Другая часть исследователей, признавая серьезные изменения, которые реформа внесла в развитие сельского хозяйства России, в то же время считает, что «в целом аграрная реформа в экономическом плане не успела оправдать возлагавшихся на нее надежд. В сфере политической она провалилась»⁵². В. П. Данилов считает, что аграрная реформа могла бы существенно изменить ситуацию в России, если бы она была проведена на 20–25 лет раньше, когда была предложена Н. Х. Бунге. К тому же, пишет автор, «столыпинская реформа слишком откровенно была направлена на сохранение помещичьего землевладения, на раскол деревни посредством расчистки крестьянских земель от “слабых” для “сильных”; слишком очевидным был при этом нажим на крестьян. Десятки и сотни тысяч обездоленных выбрасывались из деревни в город, они, как и те, кто остался в деревне в состоянии скрытого аграрного перенаселения, сыграют активную роль в новой революции и внесут немалую долю насилия в грядущие события»⁵³.

Ю. П. Бокарев считает, что столыпинская реформа нанесла удар по крестьянским представлениям о справедливом землеустройстве и окончательно развела царизм и основную массу крестьянства, вызвав мощный подъем крестьянского движения, который привел в конце концов к Октябрю⁵⁴.

П. Н. Зырянов пишет по этому поводу: «В “чистом виде” второй социальной войны в русской деревне, наверное, и не было. К сожалению, это почти не учитывается исследователями, и поэтому история классовой борьбы в деревне до и после Октября предстает перед нами в классически очерченном, но не вполне достоверном виде»⁵⁵.

По словам Н. Верта, «аграрным реформам Столыпина не хватало времени. Примерно за десять лет только 2,5 млн крестьянских хозяйств удалось “освободиться” из под опеки сельской общины... Собственниками смогли стать лишь 8 % общего числа тружеников, но они терялись в масштабах страны»⁵⁶.

А. А. Искандеров такими словами оценивает роль П. А. Столыпина в истории России: «С уходом с политической арены такого выдающегося реформатора, каким был Столыпин, российский государственный корабль круто накренился вправо и медленно поплыл навстречу новым опасностям. Если в свое время уход Витте и замена его крайне реакционным В. К. Плеве стали своего рода прологом к революционным событиям 1905–1907 гг., то устранение Столыпина можно считать началом конца эволюционного реформирования российского общества»⁵⁷.

Размышления о роли Столыпина и его реформ в истории России показывают, во-первых, объективно тяжелую судьбу реформаторов в России, наличие у них многочисленных противников при равнодушии основной части общества; во-вторых, то, что отношение к ним со стороны научной общественности зависит от тех идеологических и политических взглядов, которые исповедует тот или иной автор. Поэтому объективная картина происходивших в начале XX в. событий может быть достигнута лишь при условии многоконцептуального взгляда на нее.

¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С. 844.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 1271.

³ Аврех А. Я. Царизм и третьиунская система. М., 1966. С. 4–5.

⁴ Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 6, 15.

⁵ См.: Аврех А. Я. Аграрный вопрос в III Думе // Ист. зап. М., 1958. Т. 62. С. 35.

⁶ Советский энциклопедический словарь. С. 1271.

⁷ Советская историческая энциклопедия. Т. 13. С. 847.

⁸ См.: Герасименко Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985.

⁹ См.: Казарезов В. В. О П. А. Столыпине. М., 1991; Рыбас С., Тараканова Л. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991; и др.

¹⁰ См.: Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 63.

¹¹ Рыбас С., Тараканова Л. Реформатор. С. 207.

¹² См.: Убийство Столыпина: Свидетельства и документы. Рига, 1990. С. 14.

¹³ Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 5.

¹⁴ См.: Зырянов П. Н. Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992; Кривенький В., Степанов С. Дмитрий Богров и загадка убийства Столыпина. М., 1992; Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск, 1992; Государственная деятельность П. А. Столыпина. М., 1994; Петр Столыпин: Сб. М., 1997; Столыпин: Жизнь и смерть. 2-е изд. Саратов, 1997; П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: Сб. ст. Омск, 1997; и др.

- ¹⁵ См.: *Зырянов П. Н.* Петр Столыпин. С. 34–36.
- ¹⁶ *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000. С. 261.
- ¹⁷ Очерки экономических реформ. М., 1993. С. 48.
- ¹⁸ *Зырянов П. Н.* Петр Столыпин. С. 3–4.
- ¹⁹ *Искандеров А. А.* Российская монархия, реформы и революция // *Вопр. истории.* 1994. № 1. С. 105–106.
- ²⁰ *Боханов А. Н.* Николай II // *Российские самодержцы, 1801–1917.* М., 1993. С. 316–317.
- ²¹ *Мэйси Д.* Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина // *Вопр. истории.* 1993. № 4. С. 3.
- ²² См.: *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991. М., 1992. С. 49.
- ²³ Там же. С. 58.
- ²⁴ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Николай II // *Вопр. истории.* 1993. № 2. С. 67.
- ²⁵ *Бородин А. П.* Объединенное дворянство и аграрная реформа // *Вопр. истории.* 1993. № 9. С. 39.
- ²⁶ *Боханов А. Н.* Николай II. С. 317.
- ²⁷ *Верт Н.* История Советского государства. С. 59.
- ²⁸ *Бородин А. П.* Объединенное дворянство и аграрная реформа. С. 39.
- ²⁹ *Мэйси Д.* Земельная реформа и политические перемены. С. 13, 17.
- ³⁰ *Селюнин В.* Истоки // *Новый мир.* 1988. № 5. С. 186.
- ³¹ Россия. 1990. 22 нояб.
- ³² *Рыбас С., Тараканова Л.* Реформатор. С. 17.
- ³³ См.: *Зырянов П. Н.* Петр Аркадьевич Столыпин // *Вопр. истории.* 1990. № 6.
- ³⁴ См.: *Волобуев П. В.* Выбор путей общественного развития. М., 1987. С. 144; *Данилов В. П.* Октябрь и аграрная политика партии // *Коммунист.* 1987. № 16. С. 30; *Ковальченко И. Д.* Столыпинская аграрная реформа: (Мифы и реальность) // *История СССР.* 1991. № 2. С. 68.
- ³⁵ См.: *Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина? // *Звезда.* 1990. № 12.
- ³⁶ *Зырянов П. Н.* Полтора века споров о русской сельской общине // *Проблемы социально-исторической и политической истории XIX–XX вв.* СПб., 1998. С. 96–97.
- ³⁷ См.: *Анциферов А. М.* Столыпин и русская деревня. М., 1992; *Казарезов В. В.* Столыпинская аграрная реформа и его время. Новосибирск, 1992; *Зайцева Л.* Аграрная реформа П. А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX – начала XX в. М., 1995; и др.
- ³⁸ Очерки экономических реформ. С. 39.
- ³⁹ *Мэйси Д.* Земельная реформа и политические перемены. С. 3.
- ⁴⁰ См.: *Данилов В. П.* «Не смей, все наше!» Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // *Россия.* 1997. Июль. С. 17.
- ⁴¹ *Поткина И. В.* Витте Сергей Юльевич // *Отеч. история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энцикл. Т. 1: А – Д.* М., 1994. С. 399.
- ⁴² *Искандеров А. А.* Российская монархия, реформы и революция. С. 99.

⁴³ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. С. 264.

⁴⁴ См.: Зырянов П. Н. Крестьянская община в Европейской России, 1907–1914 гг. М., 1992; *Он же*. Крестьянская община в Европейской России. М., 1993; и др.

⁴⁵ Зырянов П. Н. Полтора века споров о русской сельской общине. С. 96–97.

⁴⁶ См.: Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 22–39.

⁴⁷ Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в. // Вопр. истории. 1993. № 2. С. 36.

⁴⁸ Современные концепции аграрного развития // Отеч. история. 1993. № 2. С. 12–14.

⁴⁹ Очерки экономических реформ. С. 48.

⁵⁰ См.: Искандеров А. А. Российская монархия, реформы и революция. С. 113.

⁵¹ Мэйси Д. Земельная реформа и политические перемены. С. 16.

⁵² Карелин А. П. Социальный вопрос в России в 1906–1914 гг.: Столыпинская реформа // Государственная деятельность П. А. Столыпина. С. 98.

⁵³ Данилов В. П. «Не смей, все наше!». С. 17.

⁵⁴ См.: Бокарев Ю. П. «Умом Россию не понять» (поведение крестьян в революционную эпоху) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 91.

⁵⁵ Зырянов П. Н. Крестьянская община в Европейской России, 1907–1914 гг. С. 236.

⁵⁶ Верт Н. История Советского государства. С. 50.

⁵⁷ Искандеров А. А. Российская монархия, реформы и революция. С. 119.

А. А. Коробкин

Современная историография «демократической контрреволюции» восточной части России

Современная историография Гражданской войны, несомненно, далеко ушла от однобокого представления о противоборстве «красных» и «белых». Существенной вехой в становлении многостороннего подхода к Гражданской войне стало исследование противостояния большевиков с правосоциалистическими режимами начального периода войны, получившими в советской историографии довольно неудачное наименование «демократической контрреволюции». Эта тема всегда привлекала внимание советских историков в рамках идеологического обоснования ленинских те-

© А. А. Коробкин, 2002